

ОТЧЕТЛИВОСТЬ КАК КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Автор: Н. В. БРАГИНСКАЯ

Год назад не только отечественную науку, но и российскую культуру постигла тяжелая утрата - ушел из жизни Михаил Леонович Гаспаров. Ушел, не осуществив многие из своих замыслов. В общей веренице невосполнимых потерь есть одна, связанная с нашим журналом: Михаил Леонович обещал принять участие в дискуссии о диалоге в науке и обществе. Уже были согласованы сроки получения редакцией статьи, но болезнь разрушила наши планы...

И сегодня нам бы хотелось вместе с близко знавшими Михаила Леоновича вспомнить этого замечательного ученого, а также вновь услышать его голос в статье, посвященной Ю. Лотману. Представляется, что эта работа не только не утратила своей свежести, но и открывает новые подходы как к самой теме, живо интересующей наш журнал, так и к постижению загадки самого Гаспарова, которая, как и всякая истинная загадка, вряд ли до конца постижима.

* * *

"Мы хотим выразить, как мы все любим его". С такими словами ко мне обратилась редакция с просьбой написать о Михаиле Леоновиче Гаспарове. После кончины Михаил Леонович Гаспаров не уходит из глаз памяти, и многим, мне кажется, он будто становится ближе. О нем, где-то неподалеку живущем, я часто не вспоминала, а о нем, ушедшем от нас, помню всечасно. Есть в сети Сообщество памяти М. Гаспарова - те, кто его почитает, скорбит о нем, собирает публикации, обсуждает слова и мысли, делится находками. А в мае в Смоленске прошла многодневная конференция памяти Гаспарова. Никогда о нем не писали столько, сколько после его смерти. Никогда при жизни, за всю эту жизнь. Царица Смерть, как обострилось наше зренье! Я и сама о нем писала в эти месяцы, опубликовала студенческое интервью, достала письма за 30 лет, перечитывала, удивлялась, смеялась, жалела, стыдилась и вскакивала: позвонить, и переспросить, и обсудить, и вместе вспомнить... Но выполнить просьбу редакции мне не по силам: "мы" любящих Гаспарова многосоставно. Любят не просто разные черты его личности и разные стороны его дарований, почитатели спорят за "своего" Гаспарова и иногда не слишком друг друга жалуют. Придется мне говорить от себя.

Чтобы представить сделанное Гаспаровым читателю, который что-то о нем слышал, обитателю соседней с филологией гуманитарной области, нужно сделать подробный обзор сотен его трудов, которые затрагивают несколько областей знания. Сделать это и впрямь нужно, хотя один человек не справится. Но не здесь, не теперь. На Гаспарове, как стало уже понятно, держалось очень много. Как на хозяйке - дом, как на праведнике - село, так на Гаспарове - филология. Его уход - прорехи повсюду. Кто будет читать

Б р а г и н с к а я Нина Владимировна - доктор исторических наук, профессор Института восточных культур и античности, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета.

все, что написали другие в энциклопедических изданиях, и соглашаться написать то, от чего все отказались? Да что я говорю - "соглашаться"! "Михаил Леонович, Вы нам напишете то-то и то-то?" Отказывается. Настаивают. Тогда вздыхает: "Если будут статьи, от которых все откажутся, то давайте тогда уж мне". А эти "все" откажутся от самого неблагодарного и трудного. В мировом стиховедении не стало мировой величины, ученого, составившего в "точном" литературоведении эпоху, или создавшего эту дисциплину после первопроеходческих усилий Андрея Белого и К. Тарановского. А в последнее десятилетие Гаспаров создал еще одну дисциплину - лингвистику стиха. Продолжат ли ее? И как? Без Гаспарова что будет с переводами и комментариями античных авторов? На нем держалась античная литература в "Литературных памятниках", а когда-то в "Библиотеке античной литературы". Перевел сам несколько книг, редактировал, а следовательно, учил молодых переводчиков. Кто будет ТАК редактировать? ТАК - это значит переписывать все, ни на чем не настаивая, потому что потрясенный автор перевода сам видит: был подмалевок, а теперь проступил текст античного писателя. Кто посмеет сказать "король голый" об общем кумире? Кто будет извлекать из архивного забвения М. Шкапскую и В. Меркурьеву? "Методологию точного литературоведения" Б. Ярхо и перевод И. Анненского из Еврипида? Кто закончит подготовку академических собраний сочинений О. Мандельштама и Б. Пастернака? Кто напишет половину статей в Мандельштамовскую энциклопедию? Кто ободрит начинающего? Кто подаст ему пример беспощадной требовательности к себе, доброжелательности ко всякому, снисходительности к слабости и неразумию, зоркости к пороку? Какой академик, написав многостраничный и блестящий разбор студенческой работы (на стиль и композицию непубликуемой однодневки пошел вековой кедр!), попросит: "Не откажите посмотреть, может быть, Вам что-то пригодится?" Кто пересчитает столько стихов, сколько звезд на небе? Кто перескажет то, что пересказать невозможно? Кто так прост и загадочен, героичен и обыкновенен, с внешностью бухгалтера, обернувшегося вещей птицей?

Он трудился и трудился, думал и писал, анализировал и считал. Гаспаров неутомимо работал целую жизнь со студенческих лет и еще 15 лет тому назад ответил на вопрос анкеты "Ваша мечта о счастье? - Отдых в могиле", а на вопрос "Ваше теперешнее расположение духа? - Усталость". Почему он так работал? Так нечеловечески много? Список трудов читается, как героический эпос, как рассказ о подвигах... Нет, о подвижничестве. Что-то здесь кроется, таится, прячется. Это культурный герой, посланный (кем?) после десятилетий разорения неутомимо строить, созидать на пустыре, среди разрухи. И не презирать никого. Исследования могли быть аналитическими и даже разоблачительными, но пафос их - строительство. Возводилось здание, там был общий план, мы не видим его, мы видим отдельные дисциплины, разных поэтов, труд, распределенный по рубрикам, областям и проблемам, а это была великая утопия культуры, божества книгоцеев, возросших без книг.

* * *

Мне не хочется, однако, создавать агиографическое житие, по канонам которого пишутся научные биографии. Замечал ли дорогой читатель, что у поэтов, художников и артистов биографии и портреты могут быть приближены к реальности, и позволительно и думать, и писать не только о противоречиях и душевных кризисах, но и о пороках и падениях "единого прекрасного жрецов", что и для этого существует свой канон? Художники могут быть алкоголиками, развратниками, наркоманами, ворами, извращенцами, страдать маниями и депрессиями, совершать подлости и предательства. Читатель знает заранее, что они низки не так, как толпа, а иначе. А вот биографии ученых усвоили себе исключительно житийную топику подвижничества, бескорыстия и высокой нравственности. Михаил Леонович был несомненный подвижник, корысти не увидишь под микроскопом, но он не любил себя "**Детерминизм**. А ведь я усомнился в сквозном детерминизме всего сущего только на мысли: не могла же от начала мира быть запрограммирована такая тварь, как я!" [Гаспаров, 2000, с. 112]. "**Любовь**. Нельзя возлюбить другого, как себя, но можно невзлюбить себя, как другого" [Гаспаров, 2000, с. 259].

За что он так себя не любил, не знаю, но это делало его обращение с собой таким странным, словно он сам себе и вечно недовольный надсмотрщик, и покорный раб. Это был человек особый от природы, но природы не щедрой, а причудливой. Трепетать его энигматичности, непредсказуемости, доброжелательности при едкости и прямолинейности, при парадоксальности в узких кругах стали в последние 20, в широких - в последние 10 лет. До этого он был чужак на обочине, не подстраивавшийся ни под какие общие интеллигентские вкусы и понятия. Тихий, "незаметный" фрондер. Таким он был в 1970-е, когда мы познакомились. И еще очень умным. Вопреки распространенному мнению, ученому необязательно быть умным. Ведь большинство ученых, или "научных работников", как любил говорить Михаил Леонович, даже очень хороших, - существа инфантильные, ограниченные и безответственные.

Через все то время, что я имела счастье быть знакомой с Михаилом Леоновичем, переписываться, говорить и даже делать общую работу, проходит тема, постоянно его занимавшая: противоположность творчества и исследования, искусства и науки, которые он то стремился развести подальше, сделать разными принципами, которым отвечает доказательность и убедительность, то вдруг сблизил, но так, что убедительность (читай: "искусство") оказывалась нижней ступенью доказательности (читай: "науки")¹. В письмах, которые я сохранила, и в "Записях и выписках", и в интервью и в статьях о филологах, Гаспаров постоянно возвращается к тому, что вещи это несовместные, а он сам лишен творческих способностей начисто, интуиции совершенно, религиозного чувства - от природы. Это было не так, я думаю, даже знаю. Потому что примеры "сверхчувственной" интуиции, им проявленной, я просто видела, творчество, которое он гнал в дверь, вошло в окно, и я об этом еще скажу, а религиозное чувство... Это снова вопрос любви. Кто сам не любил себя, мог ли думать, что любим Богом? Поверил старый человек в возможность безграничной к нему любви, и той "природы" как не бывало. А знаменитое стремление не заслонять собою подлинник в переводе и автора - в филологическом анализе и интерпретации, провозглашенное Гаспаровым, - это снова нелюбовь к себе, принявшая на сей раз облик научной позиции.

Гаспаров не оговаривал себя, когда называл в анкете² робость главной чертой характера: его с детства пугала красота [Гаспаров, 2000, с. 316]. Читатель понимает, о какой глубине чувства говорит этот испуг, эстетического и экзистенциального. А потому совершенно естественно, что главным недостатком своего характера Гаспаров назовет бесчувственность. Эстетическая дистанция, во-первых, и "иное зрение", во-вторых. Он не умел "чувствовать" обыкновенно, иначе говоря, заурядно, как мы все. Жажды не испытывал. Иногда казалось, что он и в самом деле пришелец, превосмогающий отсутствие у себя обычных человеческих качеств.

Гаспарову много было дано? А вот и нет. Ему было не дано такого, что есть, почитай, у каждого, или у каждого второго. Любви отца и матери, здорового эгоизма, музыкального слуха и понимания музыки, зрительной памяти, радости от леса или реки, от музеев и путешествий, свободной, незатрудненной речи, а потом слуха. "Ваше любимое занятие? - Книжки". Как у "мокрецов" в романе А. и Б. Стругацких: без книг они погибали. Когда-то, переименовав древнюю максиму "Есть боги, люди и Пифагор", я подставляла на место Пифагора "Гаспаров" - "Есть боги, люди и Гаспаров".

В одном письме почти двадцатилетней давности (23 мая 1987 г.) Михаил Леонович писал: "А что касается религиозности "Небесных гончих"³, то я вспоминаю, что говорила

---

¹ "Пока невозможна доказательность - бывает возможна убедительность: пока нет сквозной проработки огромных масс материала и нет методики, доступной даже для машины, - возможны наблюдения и обобщения, которые талантливый исследователь делает на свой страх и риск, пролагая дорогу и предлагая их для проверки продолжателям. Тынянов и Лотман далеко опередили свое научное время. Они наметили очертания той теории поэзии, в которую должна вписываться теория стиха" [Гаспаров, 1994, с. 12].

² Опубликовано в письмах к М. -Л. Ботт в "Новом литературном обозрении" N 78, 2006, с. 172 - 173.

³ В письме от 30 апреля 1987 г. стихотворение Ф. Томпсона было упомянуто, потом прислано, я не была безусловной поклонницей сокращенных переводов, но в этом мистическое волнение было внятно передано, а не стилизовано, и я об этом написала.

старая добрая Грабарь-Пассек⁴, когда я переводил вагантов, Максимиана и еще что-то: "Миша - в жизни человек целомудренный, вот он и компенсирует это, переводя непристойные стихи". Насчет целомудрия она, вероятно, сильно преувеличивала, не мне судить; но насчет компенсации была совершенно права, хотя к фрейдизму нимало не была привержена. Вот в силу такой же компенсации и я невольно переводил и "священные сонеты" Донна, и это стихотворение, и еще одно, хопкинсовское, просится стоять у меня на примете. Если перевод Вам понравился, то, наверное, он и вправду хороший. Может быть, потому, что я уже много лет чувствую, как сам от себя убегаю, - чувство малооригинальное, описанное (с вразумлением) еще Горацием⁵. Тем более, что благодатная концовка при всей краткости далась мне очень трудно, когда я ее переводил: она мне чужая".

Компенсация - частое слово в словаре Михаила Леоновича: он создавал не от избытка и свободы, а чтобы нечто восполнить, свободу в том числе. Он предпочитал "сочинять теорию среди препятствий и запретов, как вырубать статую из кривого камня: как будто я втискиваю себя в спичечную коробку" [Гаспаров, 2000, с. 296]. Что ж, "недостача" движет и героем сказки. А читая на иностранном языке, Гаспаров не понимает прочитанного "в уме" и принужден переводить, особенно текст поэтический. Из желания прочитать Л. Ариосто получился его перевод. Те же, кто просто прочел, перевода, выходит, не создали. Так и со знаменитыми пересказами стихов. Те, кто понимают стихи без пересказов, никогда не признают Гаспаровских пересказов, но и своих не сделают, держась за непроницаемость поэзии для *ratio*. А Гаспаров казался иногда тугодумом, потому что ему нужна была такая отчетливость, которой никто от себя не добивается. Вот и С. Аверинцев говорил Михаилу Леоновичу: "Ведь есть же такая вещь, как просто понимать, которую Вы упорно отрицаете" [Гаспаров, 2000, с. 399]. Но "просто" для Гаспарова несообщимо, "просто понимание" заканчивается катастрофой. Подчеркнутой дискурсивностью Гаспаров отстранял опасность безответственного тумана. Отчетливость и самоотчет - эти два мощных императива определяли и научный, и душевный склад Гаспарова.

Но куда же привели проясняющие пересказы стихов? Михаил Леонович начал заниматься пересказами поэтических сборников еще студентом, когда подрабатывал в методическом отделе Ленинской библиотеки, изготовляя аннотации поэтических книг на 16 машинописных строк каждая в помощь провинциальным библиотекарям. Он делал эту странную работу по инерции или покорности 33 года, кажется, уже будучи членом-корреспондентом Академии... Я как-то предложила подсчитать, сколько их было - этих сборников? И вышло, что так пересказать ему пришлось около восьми тысяч книг. После десятилетий черновой просветительской работы приходит время сначала пересказывать для аналитических целей самую сложную русскую поэзию XX в. Мандельштама и Пастернака, а потом наступает время сокращенных переводов и переводов с русского на русский, то есть тоже пересказов. "Отказ от точной передачи стихотворной формы ради более точной передачи образов, мысли и стиля", - говорил Гаспаров. Но перевод, сокращающий оригинал вдвое или вчетверо, точным быть не может никак, сокращенные переводы - это как раз то, чего Гаспаров сторонился: поэтическое творчество "по чужим мотивам". А приближение к современному вкусу, а убиение того, что стало балластом. Это так напоминает перевод, про который Гаспаров говорил, что его задача - приблизить не нас к древнему автору, а древнего автора к нам, но явно с последним подходом не солидаризировался, отдавая предпочтение первому.

Комментарий - вот еще один служебный жанр, в котором филолог умирает ради своего автора. Каким же сделал его Гаспаров? Сначала он комментировал многие тома античной литературы, это были заемные, благо традиция богата, просветительские ком-

---

⁴ Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек (1893 - 1975), филолог-классик, переводчик, знаток и любитель немецкой поэзии, служила в ИМЛИ.

⁵ *Caelum, non animum mutant, qui trans mare currunt* (небо, не душу меняют те, кто бежит через море).

ментарии. Но авторский комментарий, комментарий к Мандельштаму устроен так, что читать приходится именно комментарий, от него и переходить к стихам, упомянутым в связи с той или иной темой в связанном изложении комментария. Никакой возможности пользоваться книгой в обычном порядке - от стиха к комментарий - нет. Комментарий встал впереди комментируемого.

Я написала в 1995 г. статью о Михаиле Леоновиче - к его 60-летию, думаю, что первую статью о нем. Интересно мне это сообщить не для того, чтоб похвастать или не только для этого. Я хочу напомнить, что не было НИЧЕГО написано тогда о Гаспарове, кроме немногих рецензий на его книги. Знаменитым его сделали не научные труды, а книги "творческие", в которых он прятался, но оказался на виду.

Гаспаров собрал вместе пересказы исторических источников и получилась "Занимательная Греция" (1995 г.), которой стали зачитываться стар и млад. Он собрал выписки из книг и архивов, свои и чужие письма и разговоры, неспециальные статьи, афоризмы и мемуарные заметки, анекдоты, реплики, и получилась книга, которая завораживает, смешит, пугает - "Записи и выписки" (2000 г.). Четыре расположенных по алфавиту серии коротких записей издаются над дефинициями, словарями, примечаниями, алфавитами, кодифицированным знанием. Над тем, чем всю жизнь занимался их коллекционер. В центре, в четвертом из семи разделов помещены экспериментальные переводы, сокращенные верлибры, в действительности - стихи, вдохновленные литературой. В центре - "творчество". Писавшие о "Записях и выписках" не могли не заметить автопортретности книги не только в кратких и сильных биографических включениях. Гаспаров хотел, чтоб мы поверили в программные слова: скажи мне, что ты читаешь или выписываешь, и я скажу тебе, кто ты. Чтобы мы поверили, что он и сам состоит из прочитанных книг, как все различинцы. Как все...

Кажущаяся произвольной водоворотная композиция книги обегает и обрисовывает автора как фигуру, скрытую между строк и между слов, в перебивках разнородного и случайного⁶. Несюжетная проза - максимально далекая от научного дискурса, почти поэзия - область "сцеплений", монтажа, смысла, высекаемого на стыках.

В начале книги Гаспаров отсылает читателя к Элиану, автору "Пестрых рассказов", Авлу Геллию, автору "Аттических ночей", Плутарху, думаю, как автору "Греческих" и "Римских вопросов". Когда-то мы говорили о композиции античных книг, составленных из фрагментов, законченных кусков, наподобие вышеперечисленных. Михаил Леонович сказал, что хотел бы разгадать композицию Элиана, кажущуюся с поверхности полнейшим произволом. Такой аналитической работы он не написал, но он создал собственную книгу из подобных фрагментов.

Так осуществляется творчество Гаспарова: контрабандой от самого себя. Не показываться, убрать себя? Начавши читать "Записи и выписки" как отрывной календарь, читатель застает себя следящим с тревогой и болью за происходящим с героем... В 1999 г. "Записи и выписки" получили премию Андрея Белого как художественная проза.

Но что же происходит с героем? Он обнаруживает свою никчемность, отсутствие у себя права на самое существование. В своем самоотрицании он не находит в себе даже главных вещей: **"Главные вещи**. Трех главных вещей у меня нет: доброты, вкуса и чувства юмора. Вкус я старался заменить знанием, чувство юмора - точностью выражений, а доброту нечем" [Гаспаров, 2000, с. 231].

---

⁶ Музыковед Т. Чередниченко увидела в книге форму рондо: "В "Записях и выписках", напротив, прослеживается строгая организация материала, в которой музыковед может легко опознать форму рондо: четыре "рефрена" и три помещенных между ними разных "эпизода". Краткие фрагменты автор расположил в четырех подборках "От А до Я" (разбив их не привязанными к алфавиту тематическими вставками, порой объемистыми, - например, "Моя мать, мой отец, мое детство, война, эвакуация, школа", "Из разговоров С. С. Аверинцева", "Сказка о мешке" из "1001 ночи"). А между "алфавитами" автор поместил три блока: ответы на вопросы журнальных анкет, эссе о филологии и критике, статьи и заметки о стиховедении, поэтических переводах, а также и сами переводы" (<http://www.nlo.magazine.ru/archive/93.html>).

Так что же, у Гаспарова действительно не было ни вкуса, ни чувства юмора, ни доброты? Я думаю, что Михаил Леонович смотрел в себя глубоко, или "научно", как он любил говорить. В микроскоп.

"Ад. *L'enfer c'est Vautre* оборачивается для меня *L'enfer c'est moi*, потому что не может же быть адом такой большой, устроенный, нерушащийся мир. Конечно, он хорош, только пока не под микроскопом, пока не видишь, как мошки пожирают мошек, а кислоты и щелочи грызутся друг с другом. Но себя-то я вижу только в микроскоп" [Гаспаров, 2000, с. 337].

Как врач, который наблюдает ход собственной болезни или выздоровления, Гаспаров наблюдал собственное самосозидание, в том числе нравственное. Он воспитывал свой вкус, оттачивал иронию, а эгоизм, с которым рождается живое существо, сознательно вытеснял самопожертвованием. И отдавал себе отчет в том, что он вытесняет, что надо оттачивать, что приходится воспитывать. Гаспаров развил собственную технику аскезы, позволяющую ясно видеть глубины своего сердца, и стал походить на аскета. Аскеза состояла не в отказе от удовольствий, в них Михаил Леонович и не нуждался. Она состояла в усилении преобразования самого себя. Одинокого и несообщительного человека - в опору для многих людей. В последние годы готовность Гаспарова служить другим людям стала особенно бросаться в глаза, потому что это был уже немолодой знаменитый академик. Но так было и тридцать лет тому назад. Михаил Леонович словно переплавил свое стремление ото всех отгородиться и уединиться в жертвенное этим всем служение. Это была "победа культуры над природой" - о которой Гаспаров так много писал в связи с римской поэзией, в связи с В. Брюсовым, с Мандельштамом...

Я знала Михаила Леоновича больше 30 лет. Но тайна его личности останется для меня тайной. Я ее чуя, не понимая, и смотрю на нее не как на сложное, но в принципе разбираемое устройство, а как на дорогое лицо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2000.

Гаспаров М. Л. Из предисловия к Лекциям по структуральной поэтике Ю. М. Лотмана // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.